

УДК 341.1/8

DOI: <https://doi.org/10.18524/2411-2054.2018.31.143484>*Е. Н. Левандовски*, кандидат юридических наук (Украина)*А. В. Левандовски*, LL.M. (University Freiburg, Germany)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ. ЧАСТЬ III: ЕВРОПЕЙСКОЕ СОЮЗНОЕ ПРАВО

Статья посвящена процессу принятия и реализации экономических санкций в рамках Европейского Союза. Практический интерес к данной теме продиктован, в первую очередь, особым правовым статусом ЕС и, как следствие, достаточно путаным разделением полномочий между самим ЕС и государствами-членами при выборе методов и средств проведения санкционной политики. Особое внимание в работе уделено взаимоотношению ООН и ЕС в контексте экономических санкций.

Ключевые слова: международное публичное право, экономические санкции, санкции ЕС, *sui generis*, разумные санкции, целевые санкции, *ius cogens*, санкции ООН.

Постановка проблемы. Экономические санкции являются по праву современным международно-правовым инструментом воздействия с целью поддержания установившегося баланса в мире. Действенность которого, тем не менее, находится в прямой взаимосвязи с легитимацией санкционного процесса. Здесь легитимность выступает ключевым фактором, позволяющим включить в санкционный процесс максимальное количество участников в стремление к достижению первоочередной цели – их эффективности.

Вместе с тем, обзор правовой литературы свидетельствует о повышенном внимании, как правило, к санкционной политике ООН и легитимности ею вводимых мер, в свою очередь, выпуская из виду не менее значимого игрока на международной арене, такого как Европейский Союз (далее – ЕС).

Обладая многоуровневой системой политико-правового устройства, ЕС стремится и в вопросе экономических санкций спроецировать свое политико-правовое влияние. Будучи *sui generis*, т.е. исключительным, европейское союзное право не относится в полной мере ни к международному публичному, ни к национальному праву [4, с. 4], в то же время составляет неотделимую часть обеих систем. Именно по причине правовой бинарности функционирования ЕС вопрос о легитимности и правомерности им вводимых санкционных мер представляет собой особый интерес.

Анализ последних исследований и публикаций показал, что недостаток внимания к проблематике «экономических санкций в европейском союзном праве» сказался на количестве исследований. Среди немногих работ, можно выделить таких украинских авторов как Ю. О. Седляр, И. Яворская.

В тоже время, отсутствие переводов зарубежных работ по этой тематике отразился на отечественном восприятии правовых инструментов, обозримых на международном уровне в рамках санкционной политики. А потому особый интерес представляет инструментарий, находящийся в распоряжении Европейского Совета, в эпоху демократических правовых воззрений.

С целью освещения европейского подхода в проведении экономических мер, третий раздел станет продолжением цикла статей посвященных теме экономических санкций на международном уровне.¹

Изложение основного материала.

I. Конкуренция полномочий ЕС и ООН в вопросе экономических санкций.

Бессспорно, совокупность множества процессуальных моментов, связанных непосредственно с вводом экономических санкций, значительно обременяют процесс их принятия и реализации на международном уровне. Часто камнем преткновения служит неясность в вопросе определения объема полномочий, их границ и ранговости в случае их конкуренции. Все это в полной мере справедливо и к соотношению правовых аспектов между ООН и ЕС.

Последующий ниже правовой анализ позволит выявить, наделен ли Устав ООН достаточным объемом легитимных полномочий Совет Безопасности для вмешательства в суверенную санкционную политику ЕС.

I.1. ЕС: Общая торговая политика, общая внешняя политика и политика безопасности.

Изначально стоит отметить, что санкционная политика ЕС предусматривает разграничение на торговую и внешнюю. Формальной причиной для данного деления служит то, что в основе каждого из вида этих политик лежат различные нормативно-правовые источники. Безусловно, подобное неоднозначное и не совсем ясное, на первый взгляд, разделение полномочий в вопросе санкционной политики, послужило основанием для дискуссии о том, являются ли экономические санкции в контексте европейского союзного права частью Общей Экономической Политики (далее – ОЭП) или же они составная часть Общей Внешней Политики и Политики Безопасности (далее - ОВППБ).

Дискуссионность данного вопроса имеет большое практическое значение, поскольку объем полномочий следуемый из ОЭП значительно превышает объем полномочий следуемый из ОВППБ. Обращает на себя внимание и тот факт, что сами по себе государства-члены ЕС имеют в своем распоряжении достаточно полномочий для проведения самостоятельной политики безопасности, чего нельзя сказать о торговой политике. Это положение нашло отражение в ст. 3 абз. 1 литеры (е) Договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС), где ОЭП полностью отнесена к компетенции ЕС. В противовес этому ст. 24 абз. 1 и абз. 2 Договора о ЕС (далее – ДЕС) предоставляет больше свободы для действий государствами-членам ЕС в вопросе проведения ВППБ и значительно ограничивает по процедуре уже сам ЕС в этих вопросах.

Особая роль при этом отведена процессу согласования совместных действий. Исходя из положений ст. 207 абз. 2 ДФЕС согласование о проведении ОЭП основано на принципе «большинства голосов», что в корне отличается от мероприятий направленных на обеспечение безопасности, требующих «единогласия» в соответствии со ст. 24 ДЕС. Разрешением возникшей проблемы стало делегиро-

¹ См.: Левандовскі К. М., Левандовскі А. В. Економічні санкції в міжнародному публічному праві. Частина I: Історико-правовий огляд. // Правова держава. – № 29. – 2018. – С. 131–141;

Левандовски Е. Н., Левандовски А. В. Экономические санкции в международном публичном праве. Часть II: Основы и границы. // Правова держава. – № 30. – 2018. – С.187-199.

вание полномочий заместителю председателя Европейской комиссии в вопросах ВППБ (ст. 18 абз. 4 предл. 1 ДЕС) и закрепление за ним ответственности за проведение политики безопасности (ст. 18 абз. 2 предл. 1 ДЕС), с целью обеспечения единства на этом направлении.

1.2. Регулирование полномочий.

С момента образования Европейского Союза и вплоть до Лиссабонского договора объем и механизм регулирования союзных полномочий, направленных на формирование санкционной политики и, в частности, экономических санкций, подверглись значительному переосмыслению и усовершенствованию. Поскольку, еще до вступления в силу Маастрихтского договора, ст. 113 Договора об Учреждении Европейского Экономического Сообщества (нем. EWGV) (далее - ДУЕЭС) предусматривала правовое обоснование для экономических санкций. К тому же, в полномочиях данного Сообщества был также закреплен **принцип «общей экономической политики»**. Будучи единственным правовым положением в отношении санкций, применение ст. 113 ДУЕЭС стало весьма затруднительным и, как следствие, на практике смещало инициативу по вопросу полномочий в сторону государств-членов сообщества.

Следующим этапом в развитии санкционной политики стал Маастрихтский договор. Правовые положения Договора об Учреждении Европейского Сообщества в отличие от Договора о Европейском Союзе не содержали четких указаний на то, в чей компетенции находится вопрос ввода экономических санкций. Однако не всегда ОЭП могла служить достаточно веским основанием для проведения и политических мероприятий, несмотря на то, что санкционная политика ЕС и опирается на ст. 113 ДУЕС. А потому прорывом в формировании санкционной политики ЕС можно однозначно назвать ст. 301 ДУЕС (бывшая ст. 228 а). Полномочия на введение экономических санкций отныне были отнесены к союзным и закрепили за собой понятие **«мероприятия требующие незамедлительного реагирования»** (нем. erforderliche Sofortmaßnahmen). Впредь принятие решения стало возможным лишь с согласия Совета «по предложению Комиссии, которое утверждалось квалифицированным большинством» (нем. auf Vorschlag der Kommission mit qualifizierter Mehrheit).

Тем не менее, имелись и значительные недоработки в ст. 301 ДУЕС, как и ст. 60 ДУЕС, не затрагивали ограничения связанные с перемещением лиц и наложением эмбарго на торговлю оружием, что обременяло последующие решения по санкционным вопросам. Подобные недоработки по вопросу могли бы стать поводом к значительному ограничению полномочий непосредственно самого ЕС и одновременно к увеличению полномочий уже самих государств-членов ЕС [10, с. 141]. В гипотетической ситуации это могло бы привести к потере контроля со стороны ЕС, когда экономические санкции были бы введены непосредственно в отношении одного из государств-члена самого ЕС [10, с. 140; 6, с. 103].

Полномочия ЕС в вопросе ОЭП окончательно были закреплены лишь в редакции Лиссабонского договора. Особое место при этом было отведено ст. 207 Договора о функционировании Европейского Союза (далее - ДФЕС) (бывшая ст. 133 ДУЕС). Границы полномочий стали в значительной степени зависеть от решений

III. Правовой механизм введения экономических санкций в праве ЕС.

Несмотря на достаточно бедную историю самостоятельной санкционной политики, говорить о скудности нормативной базы ЕС не приходится.

В этой связи, центральной опорой является ст. 215 ДФЕС. Предметом регулирования данной статьи выступают правоотношения, возникающие в результате установления режима экономических санкций в отношении не только третьих стран, но и негосударственных актеров. К последним относятся также и отдельно взятые физические лица, что недвусмысленно указывает на смещение акцента в политике безопасности ЕС от общего к частному. Так, абз. 1 ст. 215 ДФЕС устанавливает необходимые правовые основания для проведения в жизнь мероприятий санкционного характера. Например, таких как эмбарго в отношении третьих стран. При этом санкционные меры в отношении частных лиц или группы лиц были обособлены в абз. 2 и послужили в дальнейшем основанием для формирования в рамках европейского союзного права т.н. «разумных» (англ. smart sanction) или «целевых санкций» (англ. target sanction). Не забыты были и «необходимые положения правовой защиты» в абз. 3 [5, с. 26].

Наряду с правовой базой, не менее значимым является и процессуальная сторона. По вопросу ввода экономических санкций практика ЕС позволяет пойти длинным, с соблюдением всех процессуальных требований, или коротким, сокращенным путем.

Так, в первом случае, весь процесс будет разделен на два этапа, как то предписано ст. 215 абз. 1 предл. 1 ДФЕС. На первом этапе принимается решение о выпуске Декрета, направленного на ввод ограничительных мер в пределах Раздела V Главы 2 ДЕС. Данное решение непосредственно опирается на общую внешнюю политику и политику безопасности, в соответствии со ст. 23 и последующей за ней статьями ДФЕС. Тем самым отрывает доступ к правовым средствам ст. 28, ст. 29 ДФЕС. Как показывает практика, выбор падает на ст. 29 ДФЕС в качестве «инструмента общей точки соприкосновения» [13, с. 149]. Ведь именно единогласность в принятии решения выступает ключевым условием для репрезентации политического единства в вопросах ОВППБ, которое базировалось бы при этом на ст. 31 абз. 1 ДФЕС [12, с. 121].

На втором этапе происходит практическая реализация намеченных мероприятий. После внесения совместных предложений Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и Комиссии с одобрения квалифицированного большинства, в соответствии с альтернативой 2 предл. 1 абз. 1 ст. 215 ДФЕС, Советом принимается решение уже непосредственно о конкретных необходимых мерах. При этом за Советом, согласно ст. 215 абз. 1 предл. 2 ДФЕС, закреплена обязанность проинформировать Европейский парламент о введении экономических санкций.

С термином «постановление» не менее путаная ситуация. Данный вид отечественного нормативно-правового акта имеет, прежде всего, подзаконный характер и является инструментом сугубо исполнительной власти. Постановление в ЕС является фактически полноценным «законом», имеющего высшую юридическую силу среди вторичных нормативно-правовых актов ЕС.

В этой связи, наиболее корректным переводом англ. Regulation, нем. Verordnung, фран. Règlement следует считать термин «Декрет». Он наиболее точно соответствует природе нормативного акта ЕС.

Однако следует обратить внимание, что решения, принимаемые в рамках ОВППБ, тесно переплетены с процедурой наложения эмбарго. Поскольку теоретически, при наличии решения ОВППБ, это открывает путь к полномочиям, закреплённым в ст. 215 ДФЕС. В то же время, в случае отсутствия решения ОВППБ, полнота полномочий, в соответствии со ст. 215 абз. 1 ДФЕС, переходит непосредственно к ЕС (т.е. ЕС сам без государств-участников будет решать судьбу санкций), что фактически позволяет это инструментализировать при определенной поддержке со стороны квалифицированного большинства. В конечном счете, все это делает возможным прибегнуть к укороченной процедуре ввода экономических санкций.

Так, во втором случае, сокращённый вариант подразумевает, что Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности совместно с Комиссией, опираясь в своем решении на положения ст. 30 абз. 1 ДЕС при особых обстоятельствах, делает непосредственное предложение Совету о необходимости ввода экономических санкций. Совет же, в свою очередь, для запуска санкционного механизма должен единогласно принять решение о необходимости введения подобных мер, руководствуясь принципами ОВППБ. Как следствие, предложение Верховного представителя Союза в данном случае, незамедлительно трансформируются в предложение ст. 215 абз. 1 предл. 1 ДФЕС.

III. Санкции Совета Безопасности ООН и Европейское союзное право.

Как показал анализ, в праве Европейского Союза существует достаточно много встроенных механизмов, направленных на достижение баланса в полномочиях внутри союза. Но помимо внутренней стороны процесса существует и не менее важная внешняя - согласованность на международном уровне. Так, обязательство к имплементации решений о введении экономических санкций, принятых Советом Безопасности ООН, фактически лишает государства-члены ЕС и непосредственно само ЕС возможности для маневрирования. В этом случае, может возникнуть конфликтная ситуация, при которой обязательства к имплементации санкционных мероприятий в рамках членства в ООН могут расцениваться как неправомерные в правовой системе координат ЕС. И даже если принять в расчет, что введение подобных санкций в контексте межгосударственных отношений как правило, абсолютно правомерно, то в случае введения санкций против отдельно взятых лиц не всегда представляется возможным.

Данная проблема достаточно многослойна и не предоставляет однозначного ответа. В задаче следует найти ответ на вопрос, действительно ли резолюция ООН содержит достаточные правовые обоснования для вторжения в основополагающие права граждан ЕС. В случае, негативного ответа на первый вопрос, следует второй - этап проверки, суть которого выяснить, действительно ли действие европейских судов в подобной ситуации ограничено лишь нормативными актами ЕС.

Развитие событий при первом сценарии проецирует достаточно доводов против юридического обоснования и принятия к исполнению Резолюций ООН в отношении конкретных лиц. Основной причиной тому выступает сам Устав ООН, где в ст. 25 и ст. 48 указывается лишь государство в качестве цели, но не как отдельно взятое лицо.

«Обязательство по надлежащему обоснованию решения» является обязательным в европейском праве и закреплено в ст. 296 ДФЕС. Соблюдение данного обязательства - одно из ключевых элементов судебного надзора со стороны Европейского Суда и подтверждено основополагающей нормой европейского права - ст. 41 абз. 2 литера (с) Хартии Европейского Союза по правам человека. При этом следует отметить, что непосредственно сам объем обязательства по надлежащему обоснованию решения не представляется возможным определить паушально, вследствие чего, для каждого отдельного случая необходимо по новой определять границы данного обязательства.

Необходимость существования принципа «обязательства по надлежащему обоснованию решения» продиктована рядом факторов. Во-первых, это возможность применения судебной защиты в случае попадания под санкции. Во-вторых, возможность осуществлять контроль за принятыми мерами со стороны компетентных органов, которые были основаны на уже имеющихся в наличии самодостаточных фактах и мотивах [8, с. 118]. Все это служит для того, чтобы принимаемые органами решения были последовательны и, в тоже время, были созданы четкие правила для обеспечения правовой защиты.

Другим важным аспектом выступает **принцип «ясности правовой нормы»**. Не смотря на то, что он относится к общепризнанным правовым принципам ЕС, непосредственное упоминание о нем в европейских договорах отсутствует [8, с. 119]. В основе данного принципа лежит «восприятие нормативных требований с точки зрения их внутренней ипостаси, проистекаемых из самих себя». Прежде всего, речь идет о предоставлении возможности для четкого понимания сути и границ применяемой нормы всеми сторонами процесса, что в результате позволило бы им сформировать объективную линию поведения. Данной позиции придерживается и Европейский Суд: «Принцип обеспечения правового порядка требует, чтобы правила, отягощающее лицо несущего налоговую повинность, были четкими и однозначными, с тем, чтобы он мог распознать недвусмысленно свои права и обязанности и вследствие чего смог предпринять надлежащие меры»⁸

Зачастую пренебрежение данного принципа может иметь неоднозначные последствия для лиц находящихся в санкционных списках. Как правило, это является следствием необходимости использования помимо латинского и других шрифтов, что в нескончаемой череде переводов и адаптаций, как это уже было с санкциями против Ирана, Талибана, России или Северной Кореи, влечет «двусмысленность, путаницу и дублирование». В конечном счёте, это потенциальная причина серьезных проблем для организаций, фирм и частных лиц. Из-за неправильного или некорректного занесения в список существует вероятность, с одной стороны, лицам из санкционного списка эти самые санкции обойти, с другой стороны, нанести ущерб деловой репутации и свободе перемещения лицам, которые по ошибке были туда внесены.

IV.2. Право на защиту своих интересов и эффективная судебная правовая защита.

Наряду с «обязательством по надлежащему обоснованию решения» и принципом «ясности правовой нормы», к значимым принципам европейского права

⁸ См.: «Gondrand Freres», EuGH, Rs. 169/80

причисляют также «право на защиту своих интересов», что находится в тесной взаимосвязи с «правом на эффективную судебную-правовую защиту».

Принцип «права на защиту своих интересов» берет свое начало во французской административно-правовой традиции как «droits de la défense» и по своей сути сродни с принципом «состязательности в гражданском процессе» [9, с. 87]. Несмотря на то, что право на защиту своих интересов не получило своего четкого закрепления в европейских договорах, оно все же нашло свою реализацию в судебной практике⁹ судов ЕС. На то есть две причины.

Во-первых, речь идет о незамедлительной или наиболее быстрой реакции на происходящие события, связанных с отягощающими нормативно-правовыми актами. Во-вторых, должна быть предоставлена возможность выразить собственную позицию по сложившимся обстоятельствам. Вышеназванные причины, в особенности первая, могут на практике быть сопряжены с рядом трудностей, поскольку некоторые виды информации из-за их особого значения для политики безопасности стран ЕС не могут быть предоставлены «незамедлительно» [8, с. 120-121].

Следующий важный принцип защиты – принцип «**эффективной судебной-правовой защиты**». Благодаря проводимой Европейским Судом политике, данный принцип был широко признан и получил должное распространение в решениях суда. Наряду с решениями Европейского Суда, праву на эффективную судебную-правовую защиту отведена заметная роль в ст. 47 Хартии Европейского Союза по правам человека и в ст. 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В основе принципа лежит требование на обеспечение гарантий со стороны «судебных инстанций» - исполнение их функциональных обязанностей, основанный на принципах независимости и беспристрастности. Наряду с этим, составной частью принципа выступает: справедливый доступ к суду, честный процесс, устность судебного разбирательства, публичность, соразмерность длительности процесса сложности дела, а также представительство интересов адвокатом. Все это предусмотрено с целью предоставления возможности участникам, обосновать свое мнение в суде, опираясь на свободный доступ к материалам дела и процесса.

Однако, несмотря на такую значимость принципа, практика ЕС показала, что введение санкционного режима, в том числе и занесение в санкционный список, на самом деле, ведет к ограничению прав на эффективную судебную-правовую защиту. Как правило, подобные ограничения обосновываются заботой о национальной безопасности и тайны следствия.

IV.3. Право собственности как одно из основных прав

Не одно из основных прав не связано так тесно с экономикой, как право собственности, которое в равной степени затрагивает интересы, как общества, так и отдельно взятого индивидуума. Учитывая, что Евросоюз имеет многоуровневую систему построения, то это накладывает определённые требования к принятию решения о вводе экономических санкций, одним из которых является и многоуровневая проверка. Объем этой проверки должен вмещать в себя, наряду с национальным, также союзное законодательство.

⁹ См.: «Bank Saderat Iran», EuG,T-494/10; «Organisation des Modjahedines peuple d'Iran», EuG, T-228/02

При введении экономических санкций важен не только контроль в случае возможных нарушений прав, но и проведение проверки со стороны компетентных органов содержания Декретов и Решений. Что касается самой европейской союзной правовой базы основных прав, то они распределены по различным правовым источникам; вместе с тем их основные элементы закреплены в ст. 6 ДЕС и подкреплены решениями Европейского Суда.

Поскольку, основные права, в том числе право на собственность, само по себе достаточно емкое понятие, закрадывается оказия сконструировать множество вариантов нарушения данных прав.

Подобное многообразие в качестве ответной реакции автоматически включает режим активной защиты и выдвигает на первый план **самооборону** адресата с позиции нарушения его основных прав. Как правило, на территории ЕС это принимает форму блокировки счетов и средств в банках как юридических, так и физических лиц из санкционного списка. Принципиальным моментом здесь является то, что круг лиц из санкционного списка намеревающиеся защититься от нарушения их основных прав, может быть расширен за счет лиц, место жительства или обычное местопребывание которых находится в рамках «европейской заграницы» (нем. *europäischen Ausland*).

Европейское союзное право, как равно и немецкое конституционное право, на основании, так называемого, **«конфузионного аргумента»** (нем. *Konfusionsargument*) не признает за органами ЕС двойственности роли «носителя и адресата основных прав». На практике это означает, что органы ЕС, как собственно и сами государства-члены ЕС, «не допустимы в качестве носителей основных прав» [8, с. 122]. В то же время, на юридические лица, владельцами которых выступают иностранные государства, данная аргументация не распространяется. Причиной тому служит отсутствие закрепленных в союзном основном праве обязательств в рамках «государственной службы» для подобных юридических лиц, что, тем не менее, не влияет на возможность быть им их носителем [8, с. 123].

Другое дело, если рассматривается ситуация, при которой будут иметь место нарушения основных прав третьих лиц. Как правило, это касается неисполнения договорных обязательств со стороны иностранной фирмы перед юридическим лицом из ЕС уже после внесения первой в санкционный список. Исполнение обязательств не возможно, поскольку оно затронуто санкциями, и как следствие подобной ситуации - ложиться бременем на юридические лица до окончательного разрешения вопроса. При этом, эта конструкция задевает не только ограничения в передвижении финансовых средств, но и ущемление прав собственности. Наилучшим примером тому может служить «сделка по трубам» между СССР и ФРГ, когда введением экономических санкций против СССР был нанесен ущерб фирмам принимающим участие в сделке.

Во всех рассмотренных выше вариантах, практика показала,¹⁰ что ввод экономических санкций неукоснительно вел к нарушению права собственности. Несмотря на то, что право собственности в европейском союзном праве и подпадает

¹⁰ Vibert, Frank. *Soft Power and International Rule-Making* / Liberal Institute. – Berlin, COMDOK GmbH, 2008. – 20 p.

под всеобъемлющую защиту ст. 17 Хартии основных прав Европейского Союза и ст. 1 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, фактически касается это лишь юридических лиц, которые не находятся «в руках ЕС или государств-члена ЕС» [8, с. 124; 12, с. 289].

В случае с санкциями проблема защиты прав собственности на самом деле шире, чем кажется на первый взгляд. Прежде всего, это связано с отсутствием достаточного количества решений европейских судов в этой области. Практика, которая существует по этим делам, охватывает лишь контроль союзных органов по вопросам соразмерности их действий и игнорирует при этом принцип «**сопоставления правовых благ**» (нем. Güterabwägung), принятый в немецком конституционном праве; это напрямую выступает против интересов лиц, чьи интересы были затронуты.

Таким образом, в случае экономических санкций возможно отстранение вовлеченных органов ЕС от задействованных мероприятий, направленных на ограничение права собственности. На сегодняшний день известен лишь один случай, где «нарушение права собственности было установлено европейским судом» [11, Rn. 6]. Подобное поведение европейских судов можно объяснить тем, что нередко на чаши весов бывают, поставлены, с одной стороны, нарушение прав человека, а с другой - нарушение прав собственности, и как следствие вопрос о соразмерности отпадает сам собой. На примере случая с Кади, Европейским Судом было продемонстрировано, что недостаточное внимание к процессуальному праву при заморозке активов может привести к конфликту с европейским основным правом на собственность, что с европейско-правовой позиции указывает на необходимость контроля при вводе экономических санкций.

Выводы. Подводя итог третьей части, авторы статьи пришли к выводу, что незавершенный процесс правовой централизации ЕС в значительной степени влияет и на подход в формировании его санкционной политики. Основной причиной тому служит Гордеев узел накопившихся внутренних противоречий, из-за которого за более чем шестидесятилетнюю историю своего становления ЕС так и не смог завершить процесс своей политической трансформации в полноценную федерацию или конфедерацию.

Так же отягощает санкционный процесс и множественность обязательств Европейского Союза, вытекающих из межгосударственных договоров, Договора о Функционировании ЕС, Договора о Европейском Союзе, а также Хартии основных прав Европейского Союза. Таким образом, стремясь избежать нарушение одного из договоров, ЕС вынужден проводить тотальную проверку экономических санкций на их правомерность в масштабах европейского союзного права, что не в последнюю очередь влияет и на скорость их принятия.

Однако, наиболее болезненным вопросом непосредственно связанный с экономическими санкциями ЕС является необходимость следовать резолюциям ООН ввиду их обязательного характера. При этом, членство отдельных государств ЕС в ООН и вытекающее из этого прерогативное исполнение решений ООН перед решениями ЕС сводит фактически к нулю автономию Европейского Союза в этом вопросе.

Список литературы

1. Arnauld, Andreas von. Völkerrecht. – 2 Aufl. – C.F.Müller, 2014. - 610 s.
2. Arndt/Fischer/Fetzer. Europarecht. - C.F. Müller - 11., neu bear. Aufl. 2015. - Buch. XXI – 236 s.
3. Dahme, Gudrun. Terrorismusbekämpfung durch Wirtschaftssanktionen. Mendel, 2007. - Band 32. – 554 s.
4. Heiderhoff, Bettina. Europäisches Privatrecht.- C.F. Müller GmbH, 2016 - 280 s.
5. Hertwig, Jana. Die Europäische Union und die Bekämpfung der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen: Theorie und Praxis der europäischen Nichtverbreitungsstrategie. – Peter Lang, 2010 – 378 s.
6. Osteneck, Kathrin. Die völkerrechtliche Verpflichtung der EG zur Umsetzung von UN-Sanktionen, ZEuS 1, 1998, S. 103
7. Niedobitek, 2014 S. 1307
8. Pyka, Alexander. Wirtschaftssanktionen der Vereinten Nationen und der Europäischen Union Eine Analyse anhand des Sanktionsregimes gegen den Iran. - Nomos Verlagsges. MBH & Co, 2015. - 1 Aufl. – 250 s.
9. Saurer, Johannes. Der Einzelne im europäischen Verwaltungsrecht: Die institutionelle Ausdifferenzierung der Verwaltungsorganisation der Europäischen Union in individueller Perspektive. - Mohr Siebeck, 25.02.2014 – 572 s.
10. Schotten, Gregor. Wirtschaftssanktionen der Vereinten Nationen im Umfeld bewaffneter Konflikte. Zur Bindung des Sicherheitsrates an individualschützende Normen. - BWV Verlag, 2007 - 394 s.
11. Schwarze, Jürgen (Hrsg.): EU-Kommentar. - Baden-Baden, 2012 . – 3.Aufl. – 3019 s.
12. Streinz, Rudolf. Europarecht. - C.F. Müller. - 10., völlig neu bearb. Aufl., 2016. - Buch. XLII. - 566 s.
13. Walter, Frenz. Handbuch Europarecht: Band 5: Wirkungen und Rechtsschutz. – Springer-Verlag, 02.02.2010 - 1336 s.
14. Левандовскі К. М., Левандовскі А. В. Економічні санкції в міжнародному публічному праві. Частина I: Історико-правовий огляд. // Правова держава. – № 29. – 2018. – С. 131–141.
15. Левандовски Е. Н., Левандовски А. В. Экономические санкции в международном публичном праве. Часть II: Основы и границы. // Правова держава. – № 30. – 2018. – С. 187-199.

Статья поступила 03.09.2018 г.

К. М. Левандовскі, кандидат юридичних наук (Україна)

А. В. Левандовскі, LL.M. (University Freiburg, Germany)

ЕКОНОМІЧНІ САНКЦІЇ. ЧАСТИНА III: ЄВРОПЕЙСЬКЕ СОЮЗНЕ ПРАВО

Резюме

Стаття присвячена процесу прийняття та реалізації економічних санкцій державами-членами ЄС. Практичний інтерес до цієї проблематики викликано через sui generis правового устрою ЄС, розподілом повноважень при проведенні санкційної політики та збереженню свободи дії кожної держави-члена. Особлива увага приділена імплементації резолюцій ООН в супранациональне законодавство ЄС.

Ключові слова: міжнародне публічне право, економічні санкції, санкції ЄС, sui generis, розумні санкції, накреслені санкції, ius cogens, санкції ООН.

Catherine Lewandowski, Candidate of Juridical Science (Ukraine)

Alexander Lewandowski, LL.M. (University Freiburg, Germany)

ECONOMIC SANCTIONS PART III: EUROPIAN UNION LAW

Summary

The article is devoted to the process of acceptance and realization of economic sanctions by the states-members of the EU. Practical interest of this thesis is attracted by sui generis legal order of the EU, by a distribution of authority during economic sanctions legitimation and by maintenance of freedom of actions of every state-member. Special attention is payed to the implementation of resolutions the UNO in the supranational legislation of the EU.

Key words: international public law, economic sanctions, EU sanctions, sui generis, smart sanction, target sanctions, ius cogens, UNO sanctions.